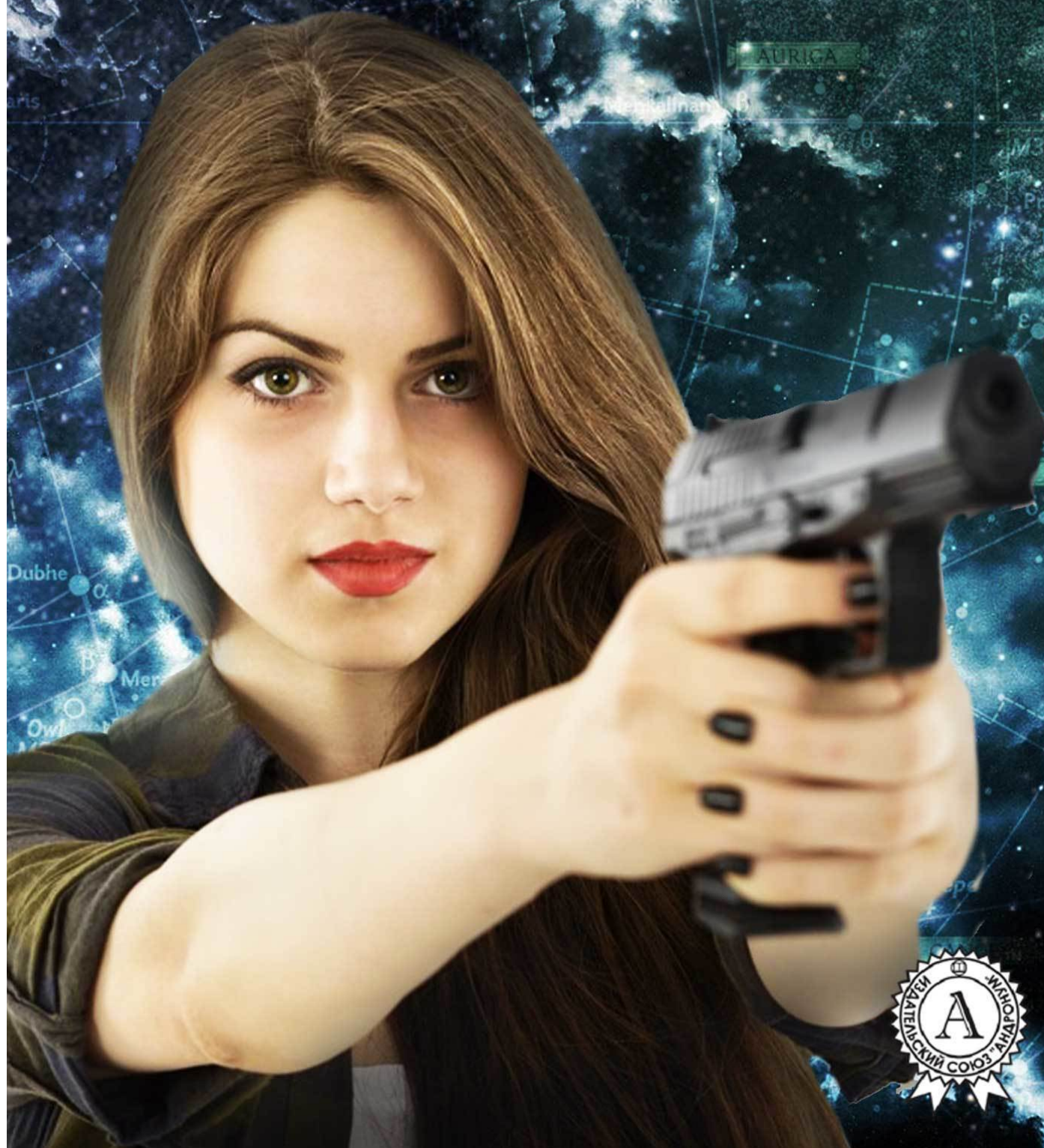

АРКАДИЙ
ГЕНДЕР

ПРОКСИМА СОЗВЕЗДИЯ ЛЖИ

Аркадий Гендер

Проксима созвездия Лжи

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Гендер А.

Проксима созвездия Лжи / А. Гендер — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Красавица-жена, очаровательная дочь, маленькая, но своя квартира, не самая плохая по нынешним временам работа, любимое хобби – на первый взгляд, у Федора Ионычева есть все, что нужно для счастья. И если бы не постоянные упреки супруги, не желающей мириться с тем, что еще в недалеком прошлом в материальном плане все было гораздо лучше, Федор на самом деле был бы абсолютно счастлив. Но Ирина без устали «выносит мозг» супругу, что из-за малости его заработков она сама вынуждена работать, что их «двушка» слишком мала, что экология района Коровино губительная для здоровья их дочери Полинки, а хобби Федора – писательство – не что иное, как «времяубийство» и «бредятина». Федор терпеливо сносит упреки жены, ведь он любит Ирину, а в Полинке просто души не чает. Да, в прошлом у Федора был свой бизнес, и зарабатывал он несравненно больше, но, только все потеряв, он понял, как дорого стоят спокойная совесть и возможность хотя бы на досуге заниматься любимым делом. Поэтому, когда цепочка странных событий, начавших происходить с Федором, неизбежно приводит его к выводу, что на него охотятся, первой его реакцией было удивление – таких, как он в своем нынешнем статусе, наемным убийцам не заказывают. Федору каким-то чудом удается уходить от опасности – правда, это стоит жизни совершенно посторонним людям. Ясно, что долго один на один с неведомой угрозой ему не выстоять. Неожиданно для себя Федор понимает, что в этой жизни ждать помощи ему не от кого, и если бы не давно забытый номер телефона, чудом сохранившийся в записной книжке, ситуация была бы безнадежной. Но прошлое протягивает Федору руку помощи, заставляя горько задуматься о «дорогах, которые мы выбираем».

© Гендер А.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Аркадий Гендер

Проксима созвездия Лжи

Ошибка в выборе между тем, кого ты любишь, и тем, кто любит тебя, может стоить очень дорого.

Проксима созвездия Лжи – по аналогии с Проксима созвездия Центавра, ближайшей к нам звездой (после Солнца, конечно).

- Ну, что там? Ты видишь цель?
- Да, с целью все отлично. Но рама мешает, она должна открыть форточку, иначе ничего не получится.
- Она сейчас придет, не нервничай.
- Тебе легко говорить! Здесь бомжи ходят. Если они наткнутся на мою лежку, мне что, их всех валить прикажешь?! А, вот она вошла.
- Ну, а ты боялся! Я же сказала, она сделает все как надо.
- Да, она подходит к окну. Открыла, молодец! Ха, раздевается!
- Извращенец! Тебя зачем туда послали? За бабами подсматривать?!
- Ладно, все, работаю. Даю отбой.
- Не надо. Я хочу быть онлайн. Пошли ему мой последний поцелуй.
- Поцелуй калибра 7,62. Как поэтично!
- Пфр-р! Тожe мне, Омар Хайям!
- Хайям был перс. Если хочешь сделать мне приятное, в следующий раз сравнивай меня с кем-нибудь из наших – с Али Харири, например.
- Слушай, может быть, закончим уже этот поэтический вечер и займемся делом? Чего ты тянешь?!
- Я не тяну. Считай до трех.
- Раз, два, три. Ну, что?
- Поцелуй доставлен. Ничего, что в висок, а не в губы?
- Плевать. Нет, правда – все?
- Я же говорю, все!
- Все... Ну, вот и все.

Глава 1

Мать всю жизнь проработала на Люблинском литейно-механическом, да на вредном производстве, и собственное здоровье сохранила разве что чудом. Но просто так ничего в этой жизни не проходит, и долгожданную в семье Рюхиных дочку Антонина Васильевна родила семимесячной, очень слабенькой и – по образному определению доброй акушерки в роддоме – «немножко недоделанной». Мать акушерку чуть не прибила, и несмотря на то, что та была не так уж и неправа, нарадоваться не могла на девочку, отказывалась отпустить от себя, постоянно приговаривая: «Доча ты моя, доча ненаглядная!» С тех под и на долгие годы так и приклеилось к ней в семье – Доча, да Доча.

* * *

Федор проснулся сам и как-то сразу. Пару минут он еще лежал с закрытыми глазами, ожидая, что вот-вот раздастся истошное верещание будильника, но тот почему-то включаться не спешил. Федор открыл глаза. Пробивающийся сквозь неплотно задернутые шторы рыжий лучик фонаря со стройки напротив слегка осветлял крошечную темь февральского утра и позволял, хоть и не без труда, рассмотреть стрелки на циферблате. Удивительно, но до столь же ненавидимого, сколь и неизбежного подъема было еще почти полчаса. Это тем более поражало, что сна не было ни в одном глазу. А ведь Федор был «сто процентной совой», и даже не помнил, когда в последний раз его разбирало в такую рань и так легко освобождаться от уз Морфея. Такое бывало разве что в детстве, когда наутро предстояло что-то долгожданное, от одного предвкушения чего сладко замирало сердце. Например, поход с отцом на рыбалку. Или отъезд к бабушке в деревню. Федор улыбнулся воспоминаниям и тому, как же, по сути, мало в чем-то меняется, взрослея, человек! Ведь и сегодня в его, Федора Ионычева, жизни, может произойти нечто значительное и очень, очень давно ожидаемое – отсюда и утренняя бессонница.

Но все равно вставать раньше будильника причин не было, и с намерением колы уже не поспать, то просто понежиться в теплой постели, Федор повернулся на другой бок. Его рука привычно обхватила талию Ирины. Жена спала в своей любимой позе – свернувшись калачиком и зарывшись головой под подушку. Ночнушка на ней задралась, и ладонь Федора наполнилась горячим теплом ее тела. Десять с лишним лет, прожитых в браке, ровным счетом ничего не изменили в отношении Федора к жене, – он все так же любил и хотел ее. Вот и сейчас прикосновение к острому выступу Иринино бедра отозвалось в нем мощным приступом желания. Как с крутой горки, пальцы Федора заскользили по атласно-гладкой коже ее живота вниз и зарылись в густую поросль шелковистых волос. Ирина вздрогнула, просыпаясь. Секунду, видимо, не понимая со сна, что происходит, она была все так же неподвижна, потом из-под подушки раздался ее разгневанный шепот:

– Ты что, Ионычев, рехнулся? Который час? Отстань, я спать хочу!

С этими словами Ирина решительно сбросила с себя мужнину руку и натянула на бедро подол ночнушки. Федор затих, еще минуту лежал, прижимаясь к безучастной Ирине всем телом, потом вздохнул, и отвернулся. Еще совсем недавно Ирина на столь раннее, а потому «внеплановое» проявление мужем нежных чувств наверняка отреагировала бы куда более благосклонно. Делать нечего, нужно было вставать.

Федор вылез из-под одеяла, будучи готовым, как обычно, зябко содрогнуться всем телом, но в спальне было на удивление тепло. Пожалуй, даже градусов восемнадцать. То ли сменился

обычно садящий прямо в окна северный ветер, то ли коммунальщики, сжалившись, наконец, над людьми, замерзающими этой студеной зимой в таких вот худеньких панельных девятиэтажках, подкинули в топки своих котлов угля. Федор подошел к окну и приоткрыл штору. Лучик сразу превратился в яркий, как у маяка, сноп света, резанул по глазам. Федор поморщился. Блин, почему же эти строители освещают не стройплощадку, а лупят тысячесвечовыми фонарями прямо в окна квартир? Федор сам строитель, и в своей практике всегда тщательно следил за тем, чтобы как можно меньше беспокоить обитателей жилых домов по соседству. Ведь для жильцов стройка под окнами – все равно, что военные учения с танками и стрельбами для мирных граждан какой-нибудь деревушки. Особенно беда летом – жарко, душно, а окно не откроешь, потому что гремит ржавым железом ветхий кран, и особенно отчетливо среди ночного безмолвия матерятся злые работяги, со страшным грохотом лупя кувалдой по упрямой железобетонной плите, никак не «садящейся» на место. Слава Богу, что в связи с недавними морозами ночные смены на стройке прекратились! Хотя толстый слой инея на кирпичной кладке и переставший искриться под светом прожекторов, потускневший снег говорили о том, что за ночь резко потеплело. Федор вздохнул, подумав, что в связи с оттепелью ночные концерты строителей, пожалуй, могут и возобновиться, и открыл форточку. В лицо дохнул влажноватый воздух, напитанный ароматами снега и солярки, подтекающей из стоящего прямо под окнами старенького бульдозера. На подоконник, серой тенью материализовавшись из мрака, с коротким горловым мяуканьем взлетела их кошка Рашель и застыла, полуприсев на задние лапы и вопросительно глядя на Федора своими цвета марокканских мандаринов глазами. Благовоспитанная, в общем-то, британка Рашель имела одну дурную привычку. Ее было рыбой не корми – дай повисеть, наслаждаясь жизнью, на противомоскитной сетке, которой была затянута форточка в спальне. Естественно, острые когти упитанной кошары оставляли в сетке дыры, вполне достаточные для того, чтобы через них в комнату залетали комары, которыми начнет по весне изобиловать тутошная низменная местность. Кошку в семье Ионычевых обожали, тем не менее Федор на любимицу брыськнул и с подоконника согнал, для верности слегка подтолкнув ладонью. Рашель, раздосадованная таким непониманием ее маленьких кошачьих радостей, обиженно мяукнула, тяжело спрыгнула на пол и снова растворилась в темноте. Федор посмотрел на жену, наполовину скрытую подушкой, наполовину – одеялом, подумал, что хоть теплолюбивой Ирине замерзнуть явно не грозит, но форточку все же прикрыл, накинув планку похожего на редкий гребешок ограничителя на вполне достаточные для проветривания два зубца. Потом поддернул штору, чтобы полоса свет от прожектора ушла с подушки, и на цыпочках вышел из спальни.

На кухне он включил плиту, ткнул красную клавишу налитого с вечера электрочайника и пошел умываться. Привычно протиснувшись в дверь ванной, из-за массивного трюмо в прихожей открывающейся не полностью, ловко вильнув бедром между острым углом стиральной машины и ручкой бельевого бака, Федор успешно добрался до раковины. Черт, насколько же, все-таки, малогабаритна их малогабаритная квартира! Конечно же, права Ирина, постоянно зудящая о том, что квартирный вопрос надо как-то решать. Ведь их квартирка не только маленькая, она еще и по сторонам света сориентирована из рук вон, смотрит окнами прямо-хонько на север, из-за этого на подоконниках погибают даже неприхотливые кактусы. А в полукилометре за окнами – серая полоса МКАД, над которой черной шапкой, издалека напоминающей рой мошкар, всегда висит облако выхлопных газов. А прямо за Кольцевой продолжением техногенного пейзажа высится серая громада ТЭЦ с дождевыми облаками пара над конусами градирен. И ни деревца вокруг. В общем, экология и всего этого Богом забытого места со страшным названием Коровино, и их отдельно взятой малогабаритки – ни к черту. И, наверное, все-таки именно из-за этого постоянные проблемы со здоровьем у шестилетней Полинки. Какое счастье, что Ирина мама, озабоченная здоровьем внучки, забрала ребенка к себе в благополучное Кунцево, где от ее болячек мигом не осталось и следа. Но на следую-

ший год Полинке в школу и, значит, ей неизбежно придется возвращаться, и что тогда? Тогда Ирина, которая после Полинкиного отъезда сцены на тему: «Надо что-то делать!» стала утрачивать Федору все-таки несколько реже, совсем его сгрызет! И, главное, что ведь она права! Но, с другой стороны, что толку в ее правоте, как будто Федор сам не понимал, что так больше жить нельзя! Но что делать, если на их микро-двушку, да в таком районе никто не хочет меняться даже с приличной доплатой! На которую, тем более, денег не было и в помине. И все чаще Иринины сольные выступления с квартирного вопроса скатывались на собственно денежный вопрос. И, более того, на самую болезненную, наверное, для любого главы семейства его часть, называющуюся: «Ну, что это за мужик, который денег заработать не может?!» А неприятнее всего в этом было то, что Ирина при этом как будто бы забывала, что денег-то не всегда не было. Но то, что было раньше, для Ирины не имело никакого значения.

А ведь раньше было многое. Ну, хотя бы то, что десять лет назад военный строитель капитан Федор Ионычев, недавно женившейся на красавице Ирине Кротовой, практически сразу получил эту квартиру. По тем временам, когда люди стояли в очереди на жилье по полжизни, это уже была фантастика! А случилось это только потому, что у начальства Федор был на счету отменном, ему прочили хорошую карьеру и квартиру дали из фонда главка, в виде поощрения и стимула к дальнейшей безупречной службе. Но Федор, решив главный по тем временам вопрос – жилищный, из армии сразу же уволился, даже не пытаясь прокормить созданную им ячейку общества на гроши, громко именуемые офицерской зарплатой. Оказавшись на «гражданке», он устроился на работу в строительный кооператив, и быстро стал зарабатывать хорошие деньги. Именно тогда в их квартирке появилась обстановка, всякая техника, у Ирины – мечта любой советской женщины – стиральная машина, у Федора – машина, чтоб ездить. Каждое лето, пока не появилась Полянка, Ионычевы ездили отдыхать – сперва в Турцию, потом и на Канары, и в Тайланд. Дела в кооперативе, преобразовавшемся сначала в АОЗТ, а потом в ЗАО, благодаря Федору шли все лучше, и он, прекрасно понимая, что для троих их жилье маловато, начал откладывать на покупку новой квартиры. К девяносто восьмому году накопилось свободных шестьдесят тысяч долларов, и Федор начал присматриваться к предложениям риэлторов. За такие деньги тогда можно было купить что-нибудь панельное площадью метров семьдесят где-нибудь в Жулебине или Митино. Но Ирина категорически хотела поближе к маме, в престижные Кунцево или Крылатское. Там квадратные метры стоили в полтора раза дороже, а хотела их Ирина не меньше ста. Даже с учетом тысяч двадцати пяти, которые можно было выручить за их двушку, денег не хватало, а ведь предстоял еще ремонт! Занимать Федор категорически не хотел, и тогда кто-то надоумил Ирину, что надо положить деньги на депозит. Федор не устоял перед тогдашними предложениями, сулящими вкладчикам чуть не десять процентов в месяц в валюте, и в марте девяносто восьмого положил все деньги в один из банков, чья репутация казалась незыблемой, как скала. В августе того же года от репутации остались одни воспоминания, а от денег – только корешки приходных ордеров. Скала, как и вся частная банковская система России, рассыпалась в прах.

Но это было только начало. На счетах другого «надежного» банка оказались замороженными деньги их ОАО. Все крупные контракты были заключены в национальной валюте, которая в мгновение ока подешевела в четыре раза. Начались проблемы. Почти два года бизнес ни шатко, ни валко еще шел, но все-таки рухнул. Какое-то время Федор «крутился» сам на мелких подрядах. Ситуация, вроде бы, начала выправляться, но два года назад один вполне приличный с виду заказчик на самом деле оказался бандитом и «кинул» Федора, в наглую не заплатив. Другой – человек вполне порядочный – прямо перед сдачей его роскошного коттеджа скоростно скончался. Официальной была лишь меньшая часть контракта, и Федора «кинули» уже наследники покойного, заявив, что по бумагам «все уплотнено», и ни о каких «боковых» договоренностях они не знают и знать не хотят. Чтобы рассчитаться с рабочими, поставщиками и субподрядчиками, Федор соскреб по сусекам все, продал свой не новый, но

очень приличный Мерседес, швейцарский хронометр с руки в придачу, но все равно не хватило. И – все, у самого денег осталось только на хлеб, на квас уже не было.

После этого Федор впал в тяжелейшую депрессию. Ирина, последние лет шесть успешно осваивавшая профессию домохозяйки, для прокормления семьи устроилась сразу на две работы. Федор же сначала просто сидел дома, целыми днями играя в одну и ту же компьютерную игру. Потом начал пить.

Странно, но поначалу Ирину такой тихий мужнин «депрессняк» не то, чтоб устраивал, но и не сильно раздражал. Может быть, у нее банально не хватало времени на то, чтобы заметить, что происходит с мужем. Она была слишком занята на двух своих работах, на которых быстро преуспела. А, может быть, понимала, как тяжело Федор переживает крах целого десятилетия своей жизни. Но в один прекрасный момент Ирина или заметила, или ей надоело понимать. А, скорее всего, она осознала, что меньше, чем за год из домашней наседки она стала, вроде как, бизнес-леди, пусть и невысокого пока пошиба. Но уж главой семьи с материальной точки зрения – определенно. И устроила Федору форменный разгром. Она кричала, что выходила за сильного, уверенного в себе мужчину, а не за безвольного тряпку и алкоголика. Что хватит сидеть сиднем дома и заливаться водкой. Что если не хватило ума удержать собственный бизнес, надо идти, как она, на зарплату. И что если он сам не в состоянии найти себе более-менее приличную работу, то за него это сделает она.

Одновременно пораженный, *что* и в каких тонах он слышит от супруги, но и радуясь тому, что его эдак вот потрянули, Федор с водкой сразу же завязал. Но, продолжая пока вынужденно сидеть дома наедине с любимым компьютером, Федор неожиданно для себя начал... писать. У него еще со школы было все в порядке с русским языком, он много и жадно читал, а его сочинения на всех конкурсах неизменно занимали первые места. Он даже подумывал о том, чтобы по окончании школы податься куда-нибудь в литературный, но консервативные предки восприняли эту идею в штыки и отправили отпрыска по папиной стезе, в строительный. По окончании ВУЗа последовала обязательная в те годы двухгодичная лейтенантская служба, после которой Федор прагматично остался в кадрах, – работа была точно такая же, как на гражданке, а зарплата – чуть не втрое. И даже в эти бесконечно далекие от литературы времена умение ясно, лаконично и точно выражать мысли, пусть и в казенных рапортах, очень помогало Федору.

И все это время, то чаще, то реже где-то глубоко внутри Федора всегда теплилась мысль, что а вот неплохо было бы ему взять, да написать книжку о чем-нибудь, стать известным писателем, и доказать «старикам», что не правы они были с выбором жизненного пути сына. И вот теперь, после краха бизнеса, после тяжелого периода застоя в мозгах и в душе, когда уже нечего было доказывать давно умершим родителям, Федору вдруг *записалось*. Слова, фразы, абзацы, целые куски чего-то сначала не совсем понятного начали литься из-под пера на бумагу (то бишь, с клавиатуры на экран монитора) легко и непринужденно. Куски сливались в страницы, те – в главы, и вскоре стало получаться нечто вполне осмысленное про современную жизнь, про ситуацию в стране и в Москве, и все это – немного с детективным уклоном. Главный герой книжки, которую про себя Федор иронично называл ро´маном, занимался таким близким автору строительным бизнесом, вокруг которого заворачивался весьма увлекательный сюжет. Федор чувствовал, что ро´ман получается интересным и вполне «забойным». Правда, никак не приходила в голову некая основополагающая часть интриги, но Федор чувствовал, что она придет, что что-то обязательно подведет его к ней.

Ирина знала, что муж «что-то там пишет», но относилась к этому скептически и не стеснялась это высказывать. Так что, когда с полгода назад она тоном, не терпящим пререканий, объявила мужу о том, что нашла для него работу, а Федор, даже и не думая возражать, всего лишь риторически спросил, а когда же, мол, он теперь будет писать, ведь надо же заканчивать книгу, Ирина взорвалась, как вулкан Кракатау. Правда, она быстро взяла себя в руки, и извер-

жение было недолгим. Но страшным. Федор еще никогда, включая и тот первый «разгром», не узнавал о себе столько негатива за такой короткий промежуток времени. Ирина впервые открыто назвала литературное увлечение мужа «времяубийством» и «бредятиной», а самого Федора – «вещью, мало пригодной в быту» и «романтиком хре́новым». В заключение прозвучала сентенция о том, что «только полный идиот может променять бумагомарание на ТАКУЮ работу», а с идиотом она жить не собирается. Федор ставить перспективы семейной жизни под угрозу не собирался, на работу, разумеется, пошел, и с тех пор о своем писательстве в присутствии супруги больше не поминал, урывая для окончания ро́мана время в основном в выходные.

Надо признать, что работу Ирина подыскала для мужа и денежную, и интересную. Как и в свое время вакансию для себя самой, Ирина нашла это место через свою давнюю, еще с институтских лет, подругу Ольгу Куницыну. Ее муж Алексей возглавлял компанию под названием «Лого-Строй», занимавшуюся инвестициями в строительство недвижимости. Отправляясь на собеседование, Федор примерно представлял, что «Лого-Строй», подобно многим расплодившимся за годы строительного бума в Москве аналогичным компаниям, находит в столице земельные участки под застройку и, возведя на них то, что на казенном языке именуется «объект недвижимости», затем выставляет построенные площади на продажу. Спрос на такие новостройки в столице был устойчиво велик, а особенно популярным было так называемой «элитное» жилье в престижных районах. На встрече с Алексеем Куницыным это представление Федора о компании, где ему предстояло работать, полностью подтвердилось с той лишь поправкой, что занимался «Лого-Строй» не жильем, а объектами «административного назначения». Вернее, по крайней мере в настоящий момент, строился всего один «объект», правда, весьма и весьма крупный даже по столичным меркам.

На территории старейшего московского завода «Конвейер» «Лого-Строй» возводил трехэтажную надстройку над главным сборочным корпусом для последующего размещения в ней офисов, контор и тому подобной «недвижимости коммерческой направленности». Целый этаж, по слухам, собирался занять известный банк. Количество квадратных метров этой надстройки, которое эдак небрежно обронил в разговоре глава «Лого-Строя» – почти пятьдесят тысяч – внушало уважение не только само по себе. Федор, быстро помножив в уме эту площадь на пятьсот долларов, – а такова в Москве минимальная себестоимость «усредненного квадратного метра» – получил в результате двадцать пять миллионов, и проникся уважением также и к объему средств, которыми ворочал Алексей Куницын.

Вот на этом-то объекте Федору и предлагалось в течение обозримого будущего трудиться в качестве так называемого «технадзора», то есть инженера, основные обязанности которого состояли в контроле за качеством строительных работ. За эту непыльную работенку господин Куницын готов был платить восемьсот американских долларов в месяц. Такая сумма хоть и не была по современным меркам манной небесной, но небогатый бюджет семьи Ионычевых почти удваивала, и Федор, не раздумывая, согласился.

Такая работа для Федора, за годы «государевой» службы возводившего объекты и покрупнее, и посложнее, была проста и понятна. Коллектив в «Лого-Строе» тоже подобрался нормальный, так что Федор быстро освоился и на стройке, и в конторе. Единственное, что сначала немного тяготило, это строгий график работы. К девяти утра обязательно нужно было быть на заводе, и до обеда – были реальные дела, не было ли – предписывалось находиться там, «осуществлять технический надзор». К трем нужно было прибывать в офис и там торчать строго до шести, каковое время надлежало «работать с документацией». Документацию же эту, то есть рабочие чертежи, по которым велось строительство, Федор по многолетней привычке поминал наизусть с первого просмотра. В общем, кроме ежедневного доклада начальнику, как правило, сводившемуся к фразе: «Все в порядке, шеф!», делать в конторе нечего было совершенно. Федор изнывал от скуки, втихую разгадывал кроссворды, чего, глядя, как его

коллеги по офису корпят, не поднимая головы, попервоначально даже стеснялся. Потом, приглядевшись и поняв, что атмосфера общей пахоты – чистой воды фикция, и на самом деле каждый тоже по-своему убивает время, стесняться перестал и решил наполнить часы вынужденного безделья содержанием.

Небывалое дело по нынешним временам, но компьютер в офисе был один – у секретарши Юли. Конторская дива, по слухам, была директору «из своих» и, вероятно, в связи с этим обстоятельством умениями, необходимыми современной секретарше, не блистала. В частности, быстро печатать она не могла, щелкала по клавишам двумя пальцами, а ее длиннющие, под стать ногам, искусственные ногти не оставляли ей никаких шансов в ближайшие пару лет в этом деле преуспеть. Собственно, печатной работы у нее было немного, но уж когда подваливало, бедная Юля за безупречный маникюр платила по полной, засиживаясь с печатанием документов чуть не за полночь. Федор же, которому за время его писательства текстовый редактор «Майкрософт Ворд» стал за старого приятеля, скорость набора на «клаве» имел изрядную. Смекнув это дело, в один такой раз, когда в конце рабочего дня на Юлином столе выросла кипа рукописных листов, которые к утру должны были превратиться в безупречный с точки зрения грамматики и оформления договор, Федор предложил девушке свою помощь, каковую та приняла с нескрываемой радостью. Федору это стоило какого-то часа сверхурочной работы, но с той поры все бумаги, которые по долгу службы ему время от времени приходилось составлять, Федор получил официальное право набирать на компьютере сам. Разумеется, с умным видом сидя перед экраном монитора, девяносто процентов времени Федор посвящал не актам приемки выполненных работ и служебным запискам, а своему ро́ману.

Неудивительно, что написание книги с мертвой точки сдвинулось и быстро пошло вперед. Придумалась наконец-то и интрига, на отсутствии которой, собственно, Федор и буксовал. В общем, пару месяцев назад Федор с победоносным видом, сыграв в голове туш, с размаху стукнул по клавише с символом точки, эту самую точку в конце ро́мана и поставив. Но написать книгу – это меньшая часть дела, самое трудное – опубликовать ее. И что для этого нужно делать, представлялось лишь в самых общих чертах. Федор начал с самого начала. В пухлом справочнике «Желтые Страницы» он открыл раздел «Издательства», и прошерстил его весь. Издательств в Москве оказалось много – более четырехсот, и только на то, чтобы обзвонить их все, могло уйти и месяц, и два. К счастью, иногда сами названия, типа «Медицинская книга» или «Техническая литература» – уже позволяли отсеять такие издательства. Но даже тех, чьи названия звучали вполне индифферентно, осталось около сотни. Федор крикнул, и засел за телефон. Свой ро́ман сам автор преподносил как «книгу о современной жизни с детективным уклоном», и чаще всего на том конце провода с разной степенью скуки в голосе отвечали, что такая тема издательству не подходит. Золотыми крупинками среди гор пустой породы звучали ответы: «Ну, приносите, почитаем». Таких в результате набралось пять. Федор купил две пачки бумаги для принтера, в очередной раз напросился помочь Юле и, оставшись после рабочего дня в офисе одни, распечатал пять экземпляров рукописи. И, только уже запаковав пачки листов в заранее подготовленные большие конверты, сообразил, что нигде не указал свое авторство. Надо было бы, конечно, перепечатать первые листы, но не было больше конвертов, и Федор фломастером на каждом пакете от руки крупно вывел псевдоним, казавшийся ему очень удачным – Александр Агатов. И номер своего мобильного. В один из дней он взял отгул, и развез рукописи по заинтересовавшимся издательствам. На прочтение везде брали не меньше месяца, и потянулось томительное ожидание. Первым пришел ответ из самого крупного и известного издательского дома, чьими «дюдюками» в мягких обложках были наводнены ларьки Роспечати и книжные развалы. Корифеи книгопечатного бизнеса вежливо расшаркивались, давали ро́ману высокую художественную оценку, однако же со словами, что «...сугубо социальная ориентированность сюжета выводит книгу за привычные границы жанра, что снижает ее коммерческую привлекательность», публиковать отказывались. Федор подивился затейливо-

сти формулировки и стал ждать ответа из других издательств. Три из них последовали вскоре, но тоже были отрицательными. Федор впал в уныние. Но дней десять назад ему на мобильный раздался звонок, и дама, представившаяся Дашей Копейниковой, редактором из издательства «Фаэтон», прокуренным басом Фаины Раневской с места в карьер сообщила, что книга лично ей очень понравилась, и она рекомендовала ее к опубликованию. Уважаемый автор не против? У Федора от неожиданности перехватило дыхание, и он только что-то невнятно промычал в ответ. Редактора Дашу такое красноречие, видимо, позабавило, и она громоподобно и эдак чуть покровительственно рассмеялась:

– Ну, вот и славно. Наш «главный» гриппует, поэтому на этой неделе редакционного совета не будет. Придется вам набраться терпения до следующей среды, ладно?

– Ладно, чего уж, потерпим, – выдал из себя первую связную фразу Федор.

– Отлично! – гулко воскликнула Даша. – Тогда вы мне звоните в среду после обеда, часика в четыре, в пять. Я думаю, к тому времени все уже случится.

– А чего должно случиться-то? – совсем уже придя в себя, решился на вопрос Федор.

– Как, чего? – не поняла Даша. – На редакционном совете принимается решение о том, подписывается книга к печати, или нет. Конечно, никто мое мнение оспаривать не будет, но – официоз, знаете ли.

– А-а, – содержательно прокомментировал информацию Федор. – Ясно.

– А вы, Александр, похоже, автор еще совсем молодой? – хмыкнула в трубку Даша. – Это у вас какая по счету книга?

– Да первая, однако, – чуть не поперхнулся, услышав обращение к себе по вымышленному имени, Федор.

– Надеюсь, не последняя! – воскликнула Даша. – У вас получается, вам обязательно нужно писать!

– Значит, буду, – не стал спорить польщенный Федор, чувствуя, что беседу на эту тему мог бы поддерживать бесконечно долго.

– Да, и еще мне нужны ваши данные, – бесцеремонно увела разговор в сторону Даша.

– Какие данные? – не понял Федор.

– Для авторского договора, – тоном терпеливой училки младших классов пояснила Даша, – Фамилию и имя я знаю, нужно отчество, прописка, ну, и все прочее.

– Вообще-то, я пишу под псевдонимом, – признался, почему-то краснея, Федор.

– А гонорар вы будете тоже под псевдонимом получать? – съехидничала Даша. – Бухгалтерия деньги выдает по реальным паспортным данным.

– А что, и гонорар будет? – воскликнул Федор.

– А как же? – удивилась Даша. – Написали – получи'те! Конечно, миллионером с одной книги вы не станете...

– Но хоть на банкет-то по такому поводу хватит? – перебил редакторшу разошедшийся Федор.

– Если для узкого круга лиц, то и не на один, – понизив голос чуть не до инфразвука, со смехом уверила Федора Даша.

– Ну, тогда – записывайте! – махнул рукой Федор, доставая паспорт.

В ответ Даша сообщила Федору свои редакционные телефоны, и они распрощались. Только выключив трубку, Федор понял, насколько он счастлив.

Сегодня было утро той самой долгожданной среды. Как в институтские времена перед экзаменом, Федор особенно долго скреб себя бритвой и особенно тщательно драил зубы щеткой. В завершение утренних процедур он по армейской привычке умылся ледяной водой и, оставшись чуть меньше, чем обычно, недовольным своим отражением в зеркале, вернулся на кухню. Чайник как раз вскипел, и конфорка раскалилась докрасна. Федор достал пачку кофе, автоматически отметил, что напиток заканчивается, засыпал четыре чайных ложки ароматного

порошка в турку, залил кипятком и поставил на плиту. Через несколько секунд кофе вспенился в узком горлышке шапкой мелкопузыристой пены, до ужаса напоминающей знаменитую прическу Анжелы Дэвис, и Федор снял турку с плиты. Прежде, чем быть налитым в чашку, напитку нужно было пару-тройку минут отстояться, и во время этой паузы в годах отработанном утреннем ритуале Федор Ионычев обычно включал стоящий на подоконнике маленький телевизор, чтобы посмотреть новости.

В стране и в мире творилось все одно и то же – разбивались машины и самолеты, люди убивали друг друга в войнах и на бытовой почве, планета Земля насылала на своих неразумных детей землетрясения, цунами и прочие беды. От льющейся с экрана безнадёги Федора аж передернуло. Решив посмотреть что-нибудь более жизнерадостное, он фехтовальным выпадом простер в сторону «ящика» руку с пультом. Последнее, что он увидел по новостному каналу, был сюжет о том, что на Таджикско-Афганской границе задержали целый караван с героином и фальшивыми долларами, причем качество последних оказалось настолько высоким, что подделки беспрепятственно проходили через любые детекторы. Лишь информация от самих проводников, в один голос заявивших, что везли фальшивки, заставила выдавших виды пограничников усомниться в подлинности купюр. Федор хмыкнул, поражаясь искусности неизвестных фальшивомонетчиков, и переключил программу. И тут же резко обернулся, почувствовав спиной чей-то взгляд. В дверях кухни, накинув на плечи одеяло, стояла Ирина.

– Ой, Ир, ты меня напугала! – улыбнулся жене Федор. – Доброе утро! Чего не спишь?

– Сам вскочил ни свет, ни заря, – не отвечая на приветствие, констатировала, хмуро прищурившись на мужа, Ирина. – Куда собрался-то в такую рань? На свидание?

Ни на секунду не допуская, что Ирина может его ревновать, Федор пропустил жёнину реплику мимо ушей, и только кротко улыбнулся, давая понять, что шутку оценил.

– Да нет, просто не спится что-то, – пожал он плечами, помедлил и добавил: – Сегодня – я говорил тебе, если помнишь, – книжку мою должны к печати подписать...

Не закончив фразу, Федор замолчал, ожидая реакции Ирины. Скепсис жены по поводу своего писательства Федора ужасно огорчал, и он не оставлял надежды это положение дел рано или поздно изменить.

– Я впечатлена! – не скрывая сарказма, фыркнула в ответ Ирина, давая понять, что за последние полгода ее отношение к «бредням» мужа существенных изменений не претерпело.

– Даже гонорар обещали заплатить, – стараясь не обращать внимание на Ириного ехидство, выбросил на стол тщательно скрываемый им ранее козырь Федор, но, похоже, сделал этим только хуже.

– Не так деньги надо зарабатывать, Ионычев! – повысила голос, уперев руки в боки Ирина. – Не так!

– Ты, конечно, знаешь, как? – позволил себе кротко съехидничать Федор.

– Я – знаю! – безапелляционно ответила Ирина, поставив жирный акцент на слове «я».

Эти ее слова прозвучали так, что если Ирина до сих пор еще не стала зарабатывать истинно больших денег, то это точно случится в самом ближайшем будущем. Хотя справедливости ради приходилось отметить, что на своих двух работах Ирина и теперь получала в совокупности побольше того, что приносил в семейный бюджет Федор.

Он смотрел на Ирину, стоявшую с решительно нахмуренными бровями и сжатыми губами в позе мальчишки-драчуна, готового кинуться в свалку, и думал о том, какая все-таки его жена красивая! С точки зрения общепринятого разделения женских типов «по мастям» Ирина была, разумеется, блондинка, но на этом возможность описать ее красоту общепринятыми штампами исчерпывалась. Ее волосы были не просто светлые, – они имели удивительный оттенок, который в зависимости от освещения менял их цвет от соломенного до русого. В чертах ее удлиненного лица угадывались и европейские, и славяно-скифские предки, а глаза могли быть по настроению и небесно-голубыми, и серо-стальными. Очаровательная юная девушка,

какой была Ирина, когда они познакомились, к ее нынешним тридцати четырем стала восхитительной зрелой женщиной, как свежий тугой бутон, распутившись, превращается в ослепительную розу. Причем несмотря на то, что и беременность, и роды прошли тяжело, и кормила Полинку своим молоком Ирина чуть не до двух лет, ей удалось не набрать ни килограмма лишнего веса, а ее грудь осталась по-прежнему остроконечной и упругой. В течение всех последних без малого одиннадцати лет, что они были знакомы, Федор не уставал поражался тому, насколько же Ирина красива! Безусловно, она была самой красивой женщиной в его жизни, самой яркой звездой в созвездии тех, кого он когда-либо любил. Эдакой, выражаясь языком астрономов, *Альфой Любви*.

Они познакомились, как это ни банально, в кино. В Москве тогда шел «Крамер против Крамера», и даже никак не претендовавший на реноме записного эстета Федор захотел посмотреть картину, несколько лет назад получившей пять Оскаров, и которую всевидящая советская цензура по перестроечным соображениям решила все же показать советскому зрителю. Продвинутых киноманов в Москве было достаточно, и за парой билетов Федор отстоял по приличному морозцу больше двух часов. Но ко дню, указанному на билетах, тогдашняя Федорова пассия простудилась и, испытывая ответственность за нераспространение инфекции, твердо сказала, что в кино не пойдет. Из чувства солидарности он решил было не ходить тоже, но был буквально вытолкан на просмотр картины с обязательством пересказать содержание в мельчайших подробностях.

Перед сеансом нужно было еще продать лишний билет, но среди кишящей народом лестницы кинотеатра «Россия» проблемой это явно не было. Красивая, вернее, очень красивая молодая женщина в крашеной ондатре остановилась рядом с Федором, точно уловив его намерения, еще до того, как он достал билет из кармана. На перехват «лишнего билетика», как голуби на хлебный мякиш, сразу же бросилось человек пять или шесть, но женщина с победоносной улыбкой на тщательно подведенных яркой помадой губах уже сжимала в пальцах вожаемую синюю бумажку. Пока она расплачивалась за билет, Федору даже сквозь ее неординарную красоту бросилось в глаза, что, будучи на первый взгляд очень хорошо и недешево одетой, обтягивающие ее тонкие длинные пальцы перчатки были тонки не по сезону, а набирая нужную сумму, она вытаскивала из недр кошелька едва ли не все его содержимое, последний рубль складывая серебром и медью. На просмотре они, естественно, сидели рядом, и Федор, ощущая тонкий аромат духов незнакомки, не мог удержаться от того, чтобы время от времени тайком не скашивать глаза на ее остро выточенный профиль. Он видел, как ее газа следили за волнующим действием фильма, время от времени наполняясь едва сдерживаемыми слезами. В конце фильма она все-таки тихо разрыдалась и, явно устыдившись этого, поверх платка кинула на Федора быстрый взгляд. Федор ободряюще улыбнулся в ответ и протянул соседке руку помочь подняться с кресла. Ее взгляд потеплел, она пробормотала: «Спасибо», а Федор подумал, что эти покрасневшие от слез глаза делают незнакомку очень похожей на потрясающую Мишель Пфайфер из «Иствикских ведьм», которых Федор недавно по случаю видел у кого-то в гостях по стремительно входившему тогда в моду видео. И еще Федор ощутил тоненький укол досады от того, что женщина сейчас встанет и уйдет, и он больше никогда ее не увидит. Конечно, он мог бы сам форсировать знакомство, но сознательно не хотел этого делать, потому что небезосновательно считал, что сердце его занято той самой хворающей пассией, а Федор был человек слова. Но тут произошло событие из тех, что, невзирая на кажущуюся малозаметность, меняют иногда жизнь – по крайней мере, жизнь небольшого числа вовлеченных лиц.

Поднимаясь, женщина вдруг охнула и снова упала в кресло, с болезненной grimасой потянувшись рукой вниз к лодыжке.

– Что случилось? – совершенно естественно озаботился Федор, а женщина с растерянным видом уже показывала ему отвалившийся от ее модельных, хотя тоже не по сезону тонких сапог длинный каблук.

– И еще я, кажется, ногу подвернула, – с нотками извинения в голосе произнесла она. – Мне очень неудобно, но вы мне не поможете?

Повреждение голеностопа оказалось несерьезным, но вкупе с потерянным каблуком делало самостоятельное передвижение невозможным. В наше время помощь в подобной ситуации могла бы заключаться в содействии визиту в ближайший работающий допоздна обувной магазин, или определение пострадавшей в первое же подскочившее такси, но в ту эпоху ненавязчивого сервиса советских граждан подобными излишествами содействительность не баловала. Стало ясно, что женщину нужно сопроводить до дома, который оказался в Кунцево – по счастью, прямо у станции метро.

– Меня зовут Ирина, – первой представилась спутница Федора, когда он помогал ей надеть шубу. – Ирина Кротова.

– Федор, – ответил он. – Федор Ионычев.

– У вас очень интересная фамилия, – улыбнулась Ирина. – Никогда не задумывались над ее происхождением?

– Нет, – пожал плечами Федор, подставляя Ирине руку – опереться.

Они двинулись от кинотеатра к метро Пушкинская, потом долго, с двумя пересадками, ехали до Кунцево. Ирина еле могла наступать на больную ногу, всю невеликую тяжесть своего тела перекладывая на Федора. И, конечно, всю дорогу они говорили. Вернее, в основном говорила Ирина. После рассказа о корнях Федоровой фамилии (вернее всего, кто-то из его дальних предков был тезкой библейского пророка Ионы и, достигнув в жизни, что называется, «степеней известных», основал род, носящий фамилию, основанную на его имени. Потом разговор пошел о только что просмотренном фильме. Ирина восторженно комментировала игру Дастина Хоффмана и Мерил Стрип, сыпала фамилиями американских актеров и названиями незнакомых Федору киношедевров. Потом разговор перекинулся на литературу. Тут с детства начитанный Федор почувствовал себя более уверенно, но быстро выяснилось, что он не читал ни современников, вроде хитового «Альтиста Данилова» Владимира Орлова, ни классики советского андеграунда типа «Утиной охоты» Вампилова или «Москва-Петушки» Венечки Ерофеева, ни диссидентов в лице, к примеру, не столь уже и запрещенного Василия Аксенова. В первый раз в жизни Федор общался с женщиной не только красивой, но и если не умнее, но явно более образованной и начитанной, чем он сам. И чем дальше «в лес», то есть вперед по голубой ветке Московского метрополитена, тем меньше Федору хотелось, чтобы это общение закончилось у двери подъезда Иринино дома в Кунцево.

У этой самой двери горел яркий фонарь, и Федор впервые рассмотрел Иринино лицо, которое и в кино, и в вагонах метро было большей частью обращено к нему профилем или, в лучшем случае, вполоборота. Да, она была сногсшибающе красива. Большие глаза, тонкий нос, чувственные губы, безупречный овал – с таких лиц пишут портреты, их обладательницы снимаются в кино, становясь эталонами женской красоты. Федору не верилось, что такая женщина стоит рядом, говорит с ним, держит за руку. И что она не замужем, и живет здесь в двухкомнатной квартире с мамой. И все же после неизбежного: «Ну, вот вы и дома» Федор, скорее всего, повернулся, ушел бы, и они никогда больше не встретились, если бы уже в дверях Ирина не сказала:

– Если хотите, позвоните мне, Федор. У меня очень простой телефон. Сто сорок три, сорок три, тридцать четыре.

Всю дорогу до дома Федор удивлялся тому, как он умудрился, вряд ли за весь вечер сказав больше нескольких десятков слов, произвести на такую красавицу *такое* впечатление. И хотя на ум сразу же приходило Булгаковское: «Окончательно уверен я, что в моем происхож-

дении нечисто. Тут не без водолаза», вызывая у Федора самоиронический смех, но как говорится, факт был налицо, и это очень льстило его самолюбию. Ему становилось от этого стыдно, но оно все равно льстило.

Весь следующий день Федор порывался позвонить своей недужащей пассии, но в результате к вечеру набрал Иринин номер. Назавтра они встретились, и встречались следующие три дня. Вечером пятого дня их знакомства они пили чай в квартире в Кунцево, по какому-то случаю свободной от присутствия Ириной мамы. Федор сделал Ирине предложение как-то неожиданно для себя самого и совершенно обдуманно в то же время, сознательно зачеркивая все, что было в его жизни раньше. Ирина долго и серьезно смотрела на Федора, и ее глаза на глазах меняли свой цвет, из тревожно-серых становясь беззаботно-голубыми. Потом она, словно обозначая принятие окончательного решения, тряхнула головой и решительно начала расстегивать пуговицы на кофточке. На следующий день они подали заявление в ЗАГС.

Сейчас, вспоминая все это, Федор снова испытывал чувство крайнего удивления, что Ирина согласилась так быстро. Ведь он, по сути, не предпринял к этому никаких усилий, счастье иметь рядом с собой столь красивую женщину свалилось на него случайно, даром. И поэтому все время их супружества он из кожи вон лез, чтобы соответствовать, чтобы у Ирины не было повода пожалеть.

Первые десять лет все получалось. Федор, ощущая себя эдаким мощным локомотивом, без усталости тащил их семейный состав. Ирина не без видимого удовольствия изображала головной вагон, послушно следующий за локомотивом, и подобное каноническое распределение матримониальных ролей гарантировало семейную идиллию. Через полгода после того, как у Федора начались проблемы, в экономическом смысле уже вагон толкал локомотив, но в устоях семьи Ионычевых все было, на первый взгляд, по-прежнему. Но тишь да гладь были обманчивы: буря зрела, просто Федор, погруженный в переживания, этого не замечал.

То, что она грянула, стало для Федора откровением. Он не узнавал свою жену, не верил, что это она, всегда мягкая, интеллигентная, тактичная, а не какая-то разъярившаяся фурия, ни капли не стеснясь в выражениях, швыряла в него тяжелые комья обвинений в несостоятельности и никчемности. С того дня в Федоре отношение к жене стало постепенно раздваиваться. С одной стороны, она продолжала оставаться для него любимой женщиной, «моей Ирушей», как он всегда называл ее про себя, от одной мысли о близости с которой сразу начинал бурлить весь организм. С другой – она была теперь для него кем-то вроде инспектора, арбитра, верховной инстанции, перед которым ответственен, кому подотчетен, чуть ли не начальником, прежде чем заговорить с которым хотелось откашляться, чтобы не дрожал предательски голос.

К осознанию своей новой роли в семейном тандеме, к новому месту в составе Федор пришел не сразу. Сначала, прокручивая раз за разом в голове сцену первой в его мужской жизни выволочки, он неизбежно пришел к отрицанию позиции жены. Она вела себя, как будто бы не было предшествующих обвалу «тучных» лет, и так, словно жена по всем писанным и неписанным канонам не обязана, дав – перед Богом или людьми – обет верности мужу, вместе с ним, как образно сказано в армейском уставе, «сносить все тяготы и лишения». Но такая собственная позиция в пределе диктовала ответные шаги вплоть до ухода с громким хлопанием дверью, к которым Федор готов не был, потому что он любил Ирину. И еще – он любил их дочь Полинку.

Именно Полинкину болезненность Федор сделал в своих собственных глазах оправданием столь радикальному изменению в отношении Ирины к себе. Беременность не стала для Ирины легкой прогулкой, а после рождения проблемы только усугубились. Вопрос Полинского здоровья стал для Ирины не просто пунктиком, а самоцелью, фетишем. Федор не мог не отдавать себе отчета, что именно его неспособность (чего уж там, нужно называть вещи своими именами!) решить жилищный вопрос, увезти семью из inferнального Коровино с последующим своим погружением в деструктивное уныние стали для Ирины поводом для превращения

в Медузу-Горгону. Он нашел объяснение Ирининым действиям, он понял ее и, как следствие, сразу же простил. И со своей новой семейной реальностью смирился, молча снося ставшие регулярными Ирнины разносы. В такие моменты сам себе он напоминал боксера-лузера, у которого уже нет сил сопротивляться, и он молча терпит трепку, мечтая лишь об одном – когда можно будет, не теряя лица, упасть и с облегчением услышать означающее конец мучений громкое «Аут!» у себя над головой.

И еще он пришел к тому, что рано или поздно платить в этой жизни приходится за все. За тот вечер в квартире в Кунцево, за лаконичное Иренино «Да!» всего лишь на пятый день их знакомства Федор сейчас платил ее отчужденностью, упрямой уверенностью, что во всем виноват он один, ее категорическим нежеланием быть «женой декабриста». Да, последнее время Федор все чаще ловил себя на мысли, что жена, как некая доставшаяся ему драгоценность, оказалась слишком красива и ярка, что груз ответственности за обладание такой красотой для него слишком тяжел. И тем регулярнее такие мысли приходили ему в голову, чем чаще глаза жены при взгляде на него были не нежно-голубыми, а холодно-серыми.

Сейчас же они и вовсе метали молнии, но в сочетании с творческим беспорядком на голове и *haut couture* в виде одеяла, накинутого на решительно вздернутые плечи, это только добавляло Ирине шарма. Несмотря ни на что, Федор обожал жену в любых проявлениях ее непростого характера, и даже сердиться на нее по-настоящему не умел. Ругаться же с нею было для него и вовсе немислимо, поэтому сейчас в ответ на Иренину тираду он только вздохнул и, терпеливо улынувшись, спросил:

– Кофе будешь?

– Нет! – отрезала Ирина, развернувшись на месте, полами одеяла чуть не смахнув турку со стола, и сердито вышла с кухни.

М-да, за последние пару лет картины семейного быта Ионычевых все чаще начинали более напоминать изображения бушующего океана, чем сентиментальные пасторали, какими они когда-то ему казались. «Сам виноват!» – подумал Федор, сокрушенно покачал головой и сел завтракать.

* * *

На улице, как всегда бывает в оттепель, во всем ощущалась влажность. Старенькая «шаха», к счастью, не проданная в благополучные времена, когда Федор рассекал на «мерине», долго содрогалась всем своим отсыревшим за ночь нутром, но на последнем издыхании стартера все-таки завелась. Федор прогрел двигатель машины приличествующее ее почтенному возрасту время и, пробуксовывая лысоватыми покрышками по подтаявшему снегу, отправился в свой ежеутренний рейс на завод.

Несмотря на будний день, на дорогах было относительно свободно. Федор любил ездить быстро, умел делать это даже в постоянных московских пробках, а сейчас, когда движение позволяло, он продвигался и вовсе без проблем. При этом даже когда под Федором была не убитая «шестерка», а престижная иномарка, на дороге он всегда вел себя, как джентльмен – не моргал нетерпеливо фарами плетущемуся впереди «чайнику», и не жал истерично на клаксон, подгоняя какую-нибудь засидевшуюся на светофоре дамочку с буквой «У» на стекле. Свой стиль вождения сам он называл «сквозить, как нож сквозь масло», имея в виду, что искусный водитель практически всегда может двигаться существенно быстрее потока, сам при этом никого не «подрезая» и своими маневрами никому не мешая. Но сегодня «лабиринтирование» Федора из ряда в ряд кому-то не понравилось. А, может быть, водителя начерно затонированного джипа «Мерседес-Геландеваген», за рубленные формы кузова прозванного «чемоданом на колесах», просто жаба заела, что какая-то «шаха» едет быстрее него. Как бы то ни было, но пристроившись за несколько машин от Федора еще на развилке Коровинского шоссе с Дмит-

ровкой, у Петровско-Разумовской «Геландеваген» уже висел у «шестерки» на хвосте. «А, ты бодаться?!» – усмехнулся про себя Федор, которому постоянное маячение треугольной мерседесовской звезды в зеркале заднего вида начинало действовать на нервы. Он резко повернул руль и влез в узкую щель между двумя машинами слева. В правом ряду тоже открылся просвет, и Федор немедленно нырнул в него, за несколько секунд сразу оказавшись на несколько машин впереди «Геландевагена». Тот засуетился, попытался повторить маневр, но «калитка» уже давно захлопнулась, а сердитый сигнал не менее крутого «Рейндж-Ровера», перед которым попытался протиснуться преследователь Федора, вернул «Геландеваген» на место. Федор еще несколько раз выполнил такую же «перестановочку» и окончательно оторвался от «чемодана», оставив его в окружении раздраженно бибикающих иномарок далеко позади. «Понакупляли Мерседесов, а ездить научиться позабыли», – усмехнулся Федор, посылая преследователю воздушный поцелуй. Но пора была уходить с Дмитровки в сторону Ленинградского проспекта и, перед перекрестком с улицей Руставели включая поворотник направо, Федор уже забыл о незадачливом гонщике на «Геландевагене».

Завод «Конвейер» уютно пристроился в глубине огромной треугольной проплешины в плотной городской застройке, одной стороной своей территории подходя почти к самой Ленинградке, а двумя другими гранича с Илюшинским авиакомплексом и Ходынским полем. Фасады жилых домов, тянувшихся от стадиона Юных Ленинцев до Аэропорта почти сплошной линией, надежно скрывали высоченный заводской забор от людских глаз, и большинству горожан даже невдомек было, что чуть не в сердце Москвы уже больше полувека стоит и работает промышленное предприятие, по площади равное иному столичному району. К этому большинству принадлежал и коренной москвич Федор Ионычев, впервые услышавший о заводе «Конвейер» только придя на работу в «Лого-Строй».

Но с тех пор завод стал ему, как дом родной. Одетые в ветхозаветные форменные бушлаты с перекрещенными винтовочками на зеленых петлицах бабушки-старушки, дежурившие при заводских воротах, машину Федора уже знали, и пропускали его на территорию, не требуя предъявления пропуска. Как обычно, проезжая мимо них, Федор в знак благодарности наклонил голову, что очень нравилось стареньким охранницам, некоторые из которых работали на заводе чуть не с самого его основания. Федор припарковал машину на стоянке, и пешком направился к месту своей работы.

Главный сборочный корпус завода «Конвейер» был громаден. Начинаясь у самой проходной, он гигантской змеей, несколько раз поворачивая, петлял по всей территории завода, и заканчивался почти у того места, где начинался. Собственно, завод и был по сути этим одним гигантским цехом. Длинной он была чуть не километр, и все остальные заводские постройки, коих насчитывалось чуть не три десятка, служили лишь для обеспечения его работы. Поэтому заводчане по привычке называли Конвейером не только завод, но и сам ГСК, не делая между этими понятиями большой разницы. Контролем за ведением работ по надстройке Конвейера и занимался Федор Ионычев, инженер технического надзора компании «Лого-Строй».

Федор еще только подходил к первому подъезду корпуса, как из дверей навстречу ему выскочил, прихрамывая, Юра – прораб строительной фирмы, которая на подряде у «Лого-Строя» вела собственно стройку. Правда, на самом деле его звали не Юра, а Юнус, потому что по национальности он был таджик. Таджики были и рабочие на стройке, и вся фирма «Сервисспецстрой», хоть и была зарегистрирована в Москве, была, по сути, таджикской. Поэтому Федор в шутку переделал это название в «Салямспецстрой», которое всем понравилось, да с тех пор так и прижилось.

– Ассалям алейкум, товарищ технадзор! – еще издалика закричал Юра Федору.

Федор, хотя слышал это приветствие пять дней в неделю, не смог сдержать улыбки. Юра, которому было уже за пятьдесят, был выходцем из той, советской эпохи, и все его привычки и манера общения были соответствующими. У немалого коллектива, работавшего на стройке,

Юра-Юнус обладал непререкаемым авторитетом, проистекавшим из двух его качеств. Во-первых, в отличие от большинства своих молодых земляков, он неплохо говорил по-русски, а во-вторых, у себя на родине в горном ауле у него было три жены. В детстве Юра упал с лошади, и с тех пор остался хромым, что не мешало ему быть очень подвижным. Вот и сейчас он проворно подскочил к Федору, закланялся, прижимая ладонь к сердцу, а когда Федор протянул ему руку, затряс ее обеими своими руками.

– Вaleyкум ассалам, Юнус-ага! – отвечал на приветствие Федор, со времен своего военно-строительного прошлого помнивший несколько универсальных фраз на основных среднеазиатских языках.

Прораб Юра, которому величание «ага», то есть «старший», явно было маслом по сердцу, совсем расцвел, заулыбался морщинистым смуглым лицом, всем своим видом выражая готовность служить высокому начальству, каковым являлся для него Федор.

– Сколько бетона за ночь приняли? – перешел от расшаркиваний к делу Федор.

– Совсем много, товарищ технадзор, – с готовностью отвечал Юра, смешно выпучив глаза и обрисовав в воздухе руками что-то круглое, что, вероятно, должно было символизировать очень большое количество уложенной в конструкции бетонной смеси. – Десять миксеров, однако, принимали.

«Пятьдесят кубов, – прикинул про себя Федор. – Да, прилично!»

– А как насчет качества работ? – строго нахмурил брови Федор. – Провибрировали бетон хорошо? Прогрев включили?

– Все вибрировали, все включали! – масляным голосом зачастил Юра, снова прикладывая руку к сердцу. – Пойдем, товарищ технадзор, сам посмотришь!

– Пойдем, Юра, обязательно пойдем, – засмеялся Федор, первым заходя в подъезд.

По узкой темной лестнице они с Юрой поднялись на чердак, пролезли через узкий лаз слухового окна и оказались на стройплощадке. Здесь кипела работа. Одни таджики в одинаковых синих утепленных куртках и оранжевых касках железными крючками вязали арматуру колонн, другие с помощью крана одевали уже готовые арматурные каркасы в щиты опалубки, третьи ворочали толстым шлангом бетононасоса, заливая в конструкции густой серо-зеленый бетон. Надсадным звуком, напоминавшим жужжание огромного роя рассерженных пчел, гудели вибраторы, которыми уплотняли свежий бетон. Сверкали звезды электросварки, звенел звонок башенного крана, стропальщики на чистом русском с легким таджикским акцентом кричали «вира!», «майна!» и «давай-давай!». В общем, было весело. Да, надо отдать «Салям-спецстрою» должное – работали таджики быстро, причем круглые сутки, и надстройка над Конвейером росла не по дням, а по часам. На том месте, где сейчас стояли Федор с Юрой, еще на прошлой неделе была старая железная крыша корпуса, а сейчас возвышалось уже два новых этажа. По прикидкам Федора, при таких темпах надстройка над всем Конвейером могла быть готова к середине мая.

Сопровождаемый Юрой, Федор обошел всю стройку, тщательно проверил выполненные за ночь работы, проконтролировал ведение многочисленных журналов и остался всем этим удовлетворен. Потом обсудил с приехавшими на стройку проектировщиками кое-какие технические вопросы, после чего пообедал в заводской столовой. Когда, покончив со всеми делами, Федор уже направлялся на стоянку, чтобы ехать в офис, ему навстречу попался главный энергетик завода Виктор Николаевич Соколов, общительный толстяк, с которым Федор был в добрых отношениях. Федора уже поджимало, чтобы к трем не опоздать на доклад начальнику, но о том, чтобы не перекинуться с жизнерадостным энергетиком парой слов, не могло быть и речи.

– Как на дрожжах растет стройка-то, – с улыбкой кивнул на возвышавшийся над корпусом башенный кран Соколов, крепко пожимая Федору руку. – Не боишься ты, Федор Андреич?

– А чего я должен бояться-то, Виктор Николаевич? – не понял Федор, поворачивая голову в направлении взгляда энергетика. – Что кран упадет, что ли?

– Что корпус упадет! – хохотнул Соколов, доставая из кармана пачку сигарет. – Закуривай!

– Да не курю я, ты же знаешь, – нахмурился Федор, давая понять, что разговор ему неприятен.

Глупая шутка энергетика резанула ему слух. Со свойственным строителям суеверием Федор Ионычев избегал досужих обсуждений всевозможных строительных катастроф, особенно после недавнего обрушения одного из московских аквапарков. Но, как на зло, Соколов явно был расположен эту тему развить.

– А что, виданное ли дело – так корпус нагружать? – для убедительности по-ленински выставив вперед руку, воскликнул энергетик. – Конвейер – он старенький, разве ему снести на голове такое?!

– Вот ты образованный человек, инженер, а несешь всякую ерунду! – тоже завелся Федор. – Ты же знаешь, расчеты были, обследования. Они показали, что корпус надстройку выдержит, и с большим запасом!

– Ну, тогда ладно! – заулыбался, неожиданно сдавшись, Соколов, и дружелюбно похлопал Федора по плечу. – Да ты не серчай, Федор Андреич, это я так. Сам-то я не сомневаюсь, вот только люди говорят...

Умные маленькие глазки энергетика вроде улыбались, но в их глубине явно была тревога.

– Кто говорит? – остывая, уже более миролюбиво спросил Федор.

– Да все говорят, – махнул рукой Соколов и обернулся на звук приближающегося автомобиля.

Федор тоже повернул голову. Рядом с ними, мягко шурша шипованной резиной, остановился длинный черный БМВ. Темное боковое стекло лимузина бесшумно опустилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.